

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ АРМЕНИИ И ГРУЗИИ В РАБОТАХ Н. Я. МАРРА

В. Миханкова

Вопросы истории культуры Армении и Грузии никогда не переставали занимать Н. Я. Марра. Ещё 17-летним юношей поставил он перед собой задачу посвятить свою жизнь грузиноведению, способствовать подъёму интереса родного народа к его языку, истории, литературе. Желание стать грузиноведом привело его на факультет восточных языков Петербургского университета, где, в силу ряда обстоятельств, он стал не только грузиноведом, но и арменистом.

Вопросам истории культуры Армении и Грузии были посвящены обе диссертации Н. Я. Марра, а вступительные речи его перед защитой диссертаций определяют те общеисторические и теоретические положения, с которыми Н. Я. Марр подходил к изучению прошлого родной страны и соседящей с ней Армении¹. Того же характера и речь Н. Я. Марра, прочитанная на торжественном заседании Академии наук в 1911 г., «Кавказ и памятники его духовной культуры»². К этой же категории работ примыкают (если говорить только о работах общего характера, а не о специальных исследованиях) его публичные лекции: «О раскопках в Ани»³, «Кавказский культурный мир и Армения»⁴, «Батум, Ардаган, Карс — исторический узел межнациональных отношений Кавказа» (Петроград. 1922. Лекция читана в 1918 году). Последний в жизни Н. Я. Марра доклад также посвящён истории Кавказа⁵.

Изучение Н. Я. Марром истории и истории культуры Армении и Грузии росло из года в год вширь и вглубь. Н. Я. Марр не ограничивался источниками, на которых обычно строились работы его предшественников, — памятниками древней письменности. Археологические раскопки в Ани, в Ереване, в Гарни, в Ване, археологические поездки по Грузии (в Шавшию, Кларджию, Самцхэ) и т. д., дополненные этнографическими и лингвистическими наблюдениями и исследованиями (в Лазистане, Абхазии, Дагестане, Свании), помогли Н. Я. Марру проникнуть «в жизнь кавказского культурного мира... насколько жизнь эта отразилась в языке, верованиях, быте, письменных и вещественных памятниках от эпохи, более древней, чем клинообразные памятники, до наших дней»⁶. Действительно, в круг интересов Н. Я. Марра — историка народов Кавказа (предпочтительно, но отнюдь не исключительно, армян и грузин) и их культуры — входила вся жизнь народов Кавказа

¹ Н. Я. Марр. К вопросу о задачах арменоведения (1899). Избранные работы. Т. I, стр. 16—22; Об единстве задач армяно-грузинской филологии. «Кавказский вестник» № 3 за 1902 г., стр. 15—29. В дальнейшем ссылки на работы Н. Я. Марра даются без указания его фамилии.

² «Известия Академии наук» за 1912 г., стр. 69—82.

³ «Известия Государственной академии истории материальной культуры», вып. 105 за 1935 г. (Лекции читаны в 1905—1915 годах.)

⁴ «Журнал министерства народного просвещения», июнь 1916 г., стр. 280—330.

⁵ «К истории Кавказа по данным языка». Тифлис. 1933.

⁶ Отзыв В. В. Бартольда и Я. И. Смирнова о работах Н. Я. Марра, посвящённых Ани. «Записки Восточного отд. Русского археологического общества». Т. XXIII, стр. 419. 1915.

и все её стороны за время от сложения этих народов и вплоть до современности. Революция 1905 г., февральская и Великая Октябрьская социалистическая революции нашли в работах Н. Я. Марра отражение не только в описаниях очевидца, но и в посильном ему тогда их осмыслении⁷. Н. Я. Марр не принадлежал к числу учёных, которые считают, что оценку современных политических событий могут и должны давать лишь политические деятели, а учёные могут оценивать только те события, от которых они отделены достаточно длительным временем, оценивать, так сказать, «беспристрастно», беспартийно, т. е. с буржуазно объективистских, якобы надклассовых позиций. «Не надо ждать сто лет и искать воображаемого объективизма, создаваемого будто бы временем... И ещё вопрос: кто окажется через сто лет более объективным, тот ли, кто сегодня объективно молчит или вынужден молчать по объективизму, или кто сегодня не воздерживается от выражения, допустим, субъективных своих мыслей»⁸, — возражал Н. Я. Марр.

И хотя Н. Я. Марр обычно говорил, что в дореволюционные годы он стоял в стороне от активного участия в политической жизни, с ним трудно согласиться. Его работы тех лет, особенно работы, посвящённые вопросам истории и истории культуры народов Кавказа, пропитаны «той живой, неотделимой от подлинного научного труда политикой, без которой глубочайшее знание рискует стать сомнительным плодом с диалектического древа познания добра и зла»⁹. Вопрос другой, что к изучению истории и истории культуры народов Кавказа в те годы Н. Я. Марр при всей прогрессивности и демократичности его взглядов подходил как передовой, но всё же буржуазный учёный: он далеко не всегда и не во всём правильно воспринимал и расценивал как события прошлого, так и современную ему жизнь Кавказа.

К изучению истории культуры народов Кавказа Н. Я. Марр приступил, освободившись от «атавистических предрассудков касательно превосходства какой бы то ни было расы, хотя бы арийской, преимущественной культуроспособности народов определённой веры, хотя бы христианской, неоспоримого умственного превосходства европейцев»¹⁰.

Он стремился показать, что вопреки столь распространённому среди буржуазных учёных мнению средневековый Восток, в частности Кавказ, в культурном отношении не только не отставал от западноевропейских стран, но в некоторых областях и опережал их. Он писал, что «для лиц, видящих в Востоке синоним косности и умственного затворничества, нашлось бы не лишнее раз много поучительного во взаимных культурных отношениях народов Востока»¹¹. Исследуя деятельность грузинского философа-неоплатоника Иоанна Петрицкого, Н. Я. Марр показал со всей убедительностью, что «грузины в X—XI вв. интересовались в области философии теми же вопросами, которые занимали передовые

⁷ Газетные статьи: «Из гурийских наблюдений и впечатлений», «Письмо к кавказской молодёжи» (1905), «От далёкого прошлого Кавказа к его будущему» (1917), «Наука и Октябрь» (1924) и др.

⁸ Рукопись кабинета Н. Я. Марра. ИИМК АН СССР. А — 1684 (1924 г.), л. 13—14.

⁹ Там же, А — 460 (1932 г.), л. 91.

¹⁰ Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. «Известия ГАИМК», вып. 105, стр. 92. (Лекции 1905—1915 годов.)

¹¹ К вопросу о влиянии персидской литературы на грузинскую. «Журнал министерства народного просвещения», март 1896 г., стр. 234. И в позднейших своих работах Н. Я. Марр возвращается к вопросу о замалчивании и умалении уровня культурной жизни Востока. Возражая против того, что «материалистическая теория абстрактных понятий выдвинута греками», он спрашивает: «В какой мере можно, не борясь с фактами, утверждать, что теория — плод творчества одних европейцев?.. Не играли ли какую-либо роль в творчестве философских идей Европы, и материалистических, кое-кто из восточных мыслителей?» («Нужно ли знать факты?», «Записки Института востоковедения Академии наук СССР» за 1932 г., стр. 206).

умы тогдашнего христианского мира как на Востоке, так и на Западе, с тем отличием от других (например, от европейцев), что тогда грузины отзывались раньше других на наиболее новые течения философской мысли и работали во всеоружии образцовой для своего времени текстуальной критики непосредственно над греческими памятниками»¹².

Он показывает в своих работах, что «внутренний мир древней Армении [Кавказа] отнюдь не представлял гладкой поверхности стоячей воды; Армения [Кавказ] внутри жила с интенсивностью, поразительной для нас, усвоивших созданное западноевропейским тщеславием ходячее мнение о неподвижности восточных народов»¹³, жизнь которых, воспринятая «через призму письменных источников, классических и восточных»¹⁴, представляется учёным и изображается ими «в застывшей простоте»¹⁵.

Против этого мнения «людей с европейской улицы»¹⁶ и направляет Н. Я. Марр свои гневные слова: «У Кавказа, оказывается, нет истории! Кавказ, оказывается, без истории дошёл от эпохи вишапов, этих рукотворных каменных змеев-рыб, протоплазм будущих мировых сказаний о героях-змееборцах, Кавказ, без своей, следовательно, истории доказался до скаточных по седине градов Китеи в Колхиде и Тушпы в Биайне с её клинописью, до архаичного градостроительства Армавиров и Урбнисов, до древних и средневековых Мцхет и Тифлисов, Гарни и Арташатов, до средневекового Ани и средневекового из Рустава эпического певца придворной любовной поэмы, до современной грузинской, армянской, азербайджанской, осетинской и десятка других нарастающих общественностей?.. Нет, оказывается, у нас истории?»¹⁷.

Н. Я. Марр обращает внимание учёных на то, что в изучении истории культуры Кавказа «господствуют два взгляда», одинаково ошибочных: «один специальный, тот или иной национальный, местный, кавказский — все с Кавказа и все от Кавказа; другой, казалось бы, общий, общенаучный, западноевропейский, по которому Кавказ, в лучшем случае, мост или проход с случайно застрявшими в нём курьёзными, иногда любопытными редкостями, обломками»¹⁸.

Он борется против обоих этих утверждений, особенно против второго из них. Возражая против «веками установившегося в науке «канона», по которому у армян и грузин даже ориенталисты, даже армянисты считают возможным видеть в общем одни заимствования и только заимствования»¹⁹, Н. Я. Марр вместе с тем выступает и против «уродливо паросшего культа национальной обособленности и его не менее уродливой антитезы, национального самоотрицания»²⁰, считая оба эти явления порождением политики царского правительства, «явно и тайно систематически угнетавшего здоровое национальное чувство всех входивших в состав российского государства народов»²¹.

Историко-литературные и археологические работы Н. Я. Марра за 90-е и 900-е годы можно правильно расценить лишь при учёте его общественно-политических взглядов тех лет. Сам Н. Я. Марр определял их,

¹² Иоанн Петрицкий, грузинский неоплатоник XI—XII веков. «Записки Восточного отделения Русского археологического общества». Т. XIX, стр. 313. 1909.

¹³ К вопросу о задачах арменоведения (1899). Избранные работы. Т. I, стр. 20.

¹⁴ К вопросу о происхождении племенных названий «этруски» и «пеласги» (1921). «Записки Восточного отделения Русского археологического общества». Т. XXV, стр. 301.

¹⁵ Там же, стр. 311.

¹⁶ Рукопись кабинета Н. Я. Марра. ИИМК АН СССР. А — 410 (1918 г.), л. 156.

¹⁷ Предисловие к «Яфетическому сборнику», вып. V. 1927. Избранные работы. Т. I, стр. 251.

¹⁸ Рукопись А — 461 (1918 г.), л. 48.

¹⁹ Ещё о слове «челеби». «Записки Восточного отделения Русского археологического общества». Т. XXI, стр. 130, прим. I. 1911.

²⁰ Рукопись А — 2366 (1917 г.), л. 3—4.

²¹ «История Грузии», стр. 51. СПб. 1906.

как борьбу «за национальность и против национализма»²². Это определение правильно, поскольку он действительно руководился мыслью показать, с одной стороны, значение армянской и грузинской культуры, столь принижавшейся царским правительством и игнорировавшей наукой, с другой, — борется против «доморощенной теории абсолютной самобытности и изолированности грузинского [и армянского] литературного [и вообще культурного] творчества, объективно умалявшей ценность и значение его с точки зрения мировой литературы [мировой культуры]»²³.

Поэтому он отстаивает право каждого народа хранить и развивать «культурные заветы, глубокими линиями врезанные в реальную жизнь и в психологию населения и определяющие его национальную физиономию»²⁴, отмечая, что психология народа и его национальная физиономия «неразрывно * связаны с материальной обстановкой...; которой определяется социально-моральный быт и уклад народа»²⁵.

Н. Я. Марр был далёк от того, чтобы игнорировать своеобразие развития грузинской или армянской культуры и местные источники этого развития. Ещё в 1899 г. он писал, осуждая арменистов, игнорирующих эти своеобразия: «Им, очевидно, казалось, что народности имеют право на существование, когда они похожи на другие; национальным арменистам давно бы следовало усвоить, что, напротив, люди и национальности потому и заслуживают внимания, что они не похожи на прочих, что являют в себе нечто иное»²⁶. Для Н. Я. Марра были совершенно неприемлемы * и * рассуждения, подобные тем, которые противопоставлялись его взглядам на общность некоторых элементов культуры армян и грузин: «Соседние народы заимствуют друг у друга всё то, чего у них недостаёт, и вместе с предметом часто берут и самое его название. И у нас, грузин, конечно, попадают слова, заимствованные у армян: сводник, разбойник, безжалостно-строгий, скупой и пр.»²⁷. У таких своеобразных истолкователей «культурного общения» армян и грузин Н. Я. Марр спрашивает: «Что дурного в том, что, как мы доказывали и доказываем, грузины в древности подвергались влиянию культурных соседей, не только греков, но и армян, сирийцев, персов, арабов, старались заимствовать у них хорошие, облагораживающие черты? Неужели было бы лучше, если бы кто выяснил, что в прошлом грузины доказали свою, невосприимчивость к разнообразным окружающим их культурам и что если и перенимали что-либо у своих соседей, то... только отрицательные черты, надо полагать, как более им сродные?»²⁸.

Местным корням культурных явлений Н. Я. Марр придавал исключительно большое значение, и, например, в своём курсе грузинской литературы он ставит в вину А. С. Хаханову не то, что им не учтены влияния сирийско-армянской литературы на грузинскую, а то, что «местным грузинским центрам просвещения, наиболее интересным для древнейшего периода, отведено последнее место и не очерчен вовсе характер их деятельности»²⁹.

Вообще в вопросе о культурных влияниях и заимствованиях, когда они действительно имели место, Н. Я. Марра больше интересовал тот, кто брал, и причина, по которой он брал. Поэтому и писал Н. Я. Марр: «Во влиянии активная роль принадлежит не влияющей стороне, а вос-

²² К истории Кавказа по данным языка, стр. 11.

²³ К. Дондуа. Н. Я. Марр и памятники грузинской литературы. «Язык и мышление», вып. VIII, стр. 65.

²⁴ «История Грузии», стр. 84.

²⁵ Рукопись А — 1997 (1919 г.), л. 27.

* ²⁶ Рукопись А — 1653 (1899 г.), л. 4.

²⁷ Ответ Акакия Церетели Н. Я. Марру. Газета «Кавказ» № 61 от 6 марта 1898 года.

²⁸ «Новое обозрение» № 4892 от 31 марта 1898 года.

²⁹ Рукопись А — 1581 (1903 г.), л. 122.

принимающей, и вообще... адаптация часто в наблюдаемых явлениях прикрывает истинную сущность под заимствованной внешностью»³⁰.

Прослеживая местные корни многих явлений культуры Грузии, в частности, её литературы, он пишет, что в поэме Руставели «страны и люди, о которых он говорит, географические и этнические термины, которыми он пользуется, все зарубежные, даже по языку негрузинские и вообще некавказские. Между тем в поэме мы слышим биение кавказского сердца, от отношений действующих лиц веет кавказской общечеловеческой ответственностью определённой эпохи... И если бы речь шла о приурочении [поэмы] за неизвестностью автора к определённому краю, то мы иной общественно-культурной и народно-психологической среды не могли бы указать, как Кавказ»³¹. И, возражая одному из своих учеников, «не стесняющемуся утверждать, что не будь Руставели, не было бы ни богатого грузинского языка, ни современной грузинской поэзии», Н. Я. Марр отвечает: «Я бы сказал: не будь грузинского народа и его сложной истории, не было бы и Руставели»³².

Ещё в своих ранних работах, говоря о переводах на армянский язык памятников литературы других народов, Н. Я. Марр отмечает: «Нам нужны не одни статистические данные о заимствованиях, — нам нужна прагматическая история переводов на древнеармянский язык с указанием путей, какими они входили в неё, условий, благоприятствовавших такому, а не иному выбору, и потребностей, каким они были призваны удовлетворить»³³.

Желая возможно отчётливее противопоставить теории изолированности и абсолютной самобытности грузинской и армянской культуры «сеть отношений, взаимно сплетающих отдельные культурные единицы Востока, крупные и мелкие»³⁴, Н. Я. Марр в своих ранних историко-культурных работах больше внимания уделяет элементам, общим памятникам персидской и грузинской литературы, чем особенностям каждой из них, слишком выделяет значение вклада персидской литературы в грузинскую. Делал он это отнюдь не для того, чтобы умалить значение грузинской культуры; наоборот, он считал, что знание арабской и персидской литературы свидетельствовало о широте кругозора грузинского общества: «Образованные грузины, имевшие постоянное общение с образованными персами и вообще мусульманами, если не в той мере, как персидский, то в известной степени должны были знать и арабский язык, точно так же, как образованный европеец в той или иной мере обладал знанием латинского языка»³⁵. Об уровне грузинской культуры в царствование Давида Строителя Н. Я. Марр подробно рассказывает в своём очерке «История Грузии»: «Серьёзное литературное образование на многих языках являлось необходимой частью грузинского воспитания. Тогда это было известно и иностранцам. По словам одного персидского писателя, царь Димитрий, сын Давида, переписывался на арабском и сирийском языках с султаном Синджаром, сыном Меликшаха. Теперь бывшая столица Грузии считается нездоровейшей, чтобы учредить в ней университет. Но тогда Давид Строитель нашёл возможным насадить интересы высшей школы в том же городе, Тифлисе, куда стекались учёные и поэты из всех стран. Из иностранных источников известно, что Давид... строил приюты для мусульманских проповедников, суфиев и поэтов, назначал им содержание и всячески поощрял их. Можно себе представить, с каким вниманием относился он к родной

³⁰ Кавказская поэзия и её технические основы (1918). «Литературные разыскания». Т. III, стр. 332—333. Изд. Академии наук Грузинской ССР. 1947.

³¹ Там же, стр. 317.

³² Рукопись А — 165 (1916 г.), л. 13.

³³ К вопросу о задачах арменоведения (1899). Избранные работы. Т. I, стр. 20.

³⁴ «Грузинский извод сказки о трёх остроумных братьях», стр. 227 (1895).

³⁵ Рукопись А — 164 (1916 г.), л. 88—89.

христианской культуре. О покровительстве его наукам и литературе на грузинском языке существуют ценные подробности»³⁶ и т. д.

В более поздних своих историко-культурных работах Н. Я. Марр, не отрицая, конечно, культурных связей Грузии и Армении с другими странами, основное внимание направляет на прослеживание творческо-созидательной роли внутренних сил, развивающихся и накапливающих-ся в недрах данного народа. Он обращается к изучению народной поэзии, легенд, занесённых в исторические хроники, сказок и т. п. И в отношении исследований по истории культуры Грузии он указывает в эти годы: «...было бы абсолютно ошибочным сводить эту проблему к одним методологически беспринципным поискам следов заимствований. Мы уже пережили такое течение в нашей исторической науке, когда исследователь искал следов влияний и не обращал внимания на корни в культуре населения»³⁷.

В одном из докладов того же времени Н. Я. Марр специально останавливается на теории «всесильного иранского влияния» в работах историков литературы, в том числе и в своих собственных: «...руководимые блуждающими огнями, мы катились и по сей день катимся по наклонной плоскости загубливания внесённых в древнегрузинскую письменность редчайших крупниц из народных преданий... в пропасть догматически-научного иранизма. Этого мало. Мы обрекаем себя на вечное бесплодие простирающимся отсюда игнорированием безбрежных кавказских материалов, убийственным научным равнодушием к ним, ибо ложный источник света искажает и своё и чужое, и тем он опасен»³⁸. Преувеличение же иранского влияния на грузинскую литературу он объясняет «старыми научными перспективами с их ограниченным кругозором» — неизбежным последствием, вытекающим из метода «работников лишь по книжным источникам и с приёмами культурно-исторического, наднародного исследовательского подхода»³⁹.

При такой постановке исследования, вопреки принятой буржуазными исследователями точке зрения на «привилегированность излюбленных народов творить историю»⁴⁰, интерес Н. Я. Марра «к народам-кумирам пал, обаяние их героической роли исчезло»⁴¹. Все народы, и каждый из них, как бы он ни был малочислен и отдалён от центров политической и культурной жизни, предстал перед ним как равноправный участник величественного процесса, изучением которого должна заниматься история, но который игнорирует или освещает односторонне буржуазная наука, называющая себя всеобщей историей, но на деле не уделяющая внимания «жизнедеятельности всех народов и всех времён»⁴². Ещё в 1915 г. Н. Я. Марр писал: «...построение истории вселенской цивилизации следует возводить на фактах материального порядка всех без исключения народов и всех эпох, на фактах, давно требующих переоценки участия в создании общечеловеческой культуры арийских или неарийских народов, европейских или неевропейских стран, великих или малых по численности и территориальным размерам народов и государств»⁴³. Это он считал тем более необходимым, что «как в истории

³⁶ «История Грузии», стр. 28—29.

³⁷ Ossetica-Japhetica. «Известия Академии наук» за 1918 г., стр. 2069—2100.

³⁸ Рукопись А — 1015 (1918 г.), л. 180—187.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Пленение Иерусалима персами. «Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии», вып. IX, стр. 2. 1909.

⁴¹ Кавказ и памятники его духовной культуры. «Известия Академии наук» за 1912 г., стр. 72.

⁴² К вопросу о задачах арменоведения (1899 г.). Избранные работы. Т. I, стр. 18.

⁴³ Кавказский культурный мир и Армения. «Журнал министерства народного просвещения» за июнь 1916 г., стр. 4, отдельный оттиск.

отдельных народов кумулирование научного внимания на выяснении судеб династий есть анахронизм, так в истории мировой выпуклые культурные единицы, выразители наибольшего развития, отнюдь не могут более оставаться в своём блестящем одиночестве, если мы не хотим держаться теологических взглядов об избранных народах»⁴⁴.

В этом особенно убеждается Н. Я. Марр в процессе раскопок в Ани, когда знакомство с условиями материальной жизни населения города опрокинуло традиционную, созданную армянской историографией картину жизни средневекового Ани, когда «центр тяжести [исторических исследований] из тесного официально-национального круга армянских царей, армянских полководцев и армянской церкви передвинулся в широкую народную среду», когда «перед научной пытливостью выдвинулся новый мир... дающий иную расценку международным отношениям, чем та, которая устанавливалась на основании анналов военных успехов или неудач»⁴⁵. Поэтому и ставит Н. Я. Марр перед раскопками Ани задачу — раскрыть историю не только «праздничного, нарядного Ани», известного по памятникам древнеармянской литературы, но и жизнь «простых смертных... ремесленников, торговцев, вообще трудящегося люда», поскольку их жизнь, их быт «представляет не меньший общественно-исторический интерес»⁴⁶.

Раскопки в Ани вскрыли «великое социальное зло», приведшее к падению Ани: «Самая власть армянских царей в Ани была упразднена эгоистически-сословными домогательствами армянской же знати и армянского духовенства... Существовавший в Шираке при политической независимости [Армении] уклад жизни уделял армянскому народу труд, материальную нужду и прозябание в духовной дикости и лишь знати и духовенству все земные блага. Духовенство, обосновавшееся в монастырях, являлось крупным землевладельческим классом, имевшим особые сословные интересы наравне с феодалами. Средства, добывавшиеся крестьянским трудом, шли на удовольствия и роскошь тех же привилегированных сословий и на постройки доходных храмов. В Ани, где было столько монументальных построек, где армянское предание о тысяче и одной анийской церкви, занесённое и в грузинские летописи, опирается на наличие действительно огромного числа храмов, трудящееся население, как показывают раскопки, ютилось в нищенских лачужках, приспособленных к развалинам, и в вырытых в каменистой почве углублениях... Ту же антитезу экономической угнетённости трудящегося армянского населения и скопления богатств в руках немногочисленных членов господствовавших сословий представляла жизнь феодальной Армении в последние дни армянского царства в Ани и перед вторжением турецких племён»⁴⁷.

Классовое расслоение общества и классовая борьба, вскрытые раскопками в Ани, нашли своё отражение и в памятниках литературы. Это свидетельствуется появлением таких памятников, как сборники притч Вардана, перерабатывавшихся составителями и рассказчиками в соответствии с запросами и интересами нового класса, появившегося на арене исторической жизни.

Убеждённый противник порочной теории «единого потока», Н. Я. Марр основное внимание в своих историко-культурных работах направляет на прослеживание «партийности, тенденциозности, вырази-

⁴⁴ Рукопись А — 1167 (1906 г.), л. 1

⁴⁵ Рукопись А — 2655 (1905—1915 гг.), л. 1617—1618.

⁴⁶ Раскопки в Ани в 1904 г. «Известия археологической комиссии», вып. 18. 1906 г., стр. 83.

⁴⁷ Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. «Известия Гос. академии истории материальной культуры», вып. 105, стр. 28—29. Следует помнить, что в терминологии Н. Я. Марра тех лет, когда писалась работа об Ани (1905—1915), «сословия» значат «классы».

телей которых мы видим в древнеармянских историках»⁴⁸. Эта тенденциозность проявляется в замалчивании классовой борьбы и подмене её борьбой национальной или вероисповедной.

Если основываться лишь на показаниях письменных памятников, то не получить подлинной картины жизни Армении: «...культурно-историческая жизнь Армении была и богаче, и разнообразнее, и интереснее, чем тот отблеск, который проникал в тесные кельи обращённых к миру спиной монахов-писателей. Отрицать всё то, о чём умалчивают армянские историки, только потому, что армянские историки молчат, это значит отказаться... от мысли когда-либо воссоздать историю подлинной армянской жизни»⁴⁹. То же говорит Н. Я. Марр и в отношении грузинской литературы, которая «не есть отражение жизни, если под жизнью подразумевать совокупность жизненных интересов всего населения Грузии того времени, а не лишь интересы, являвшиеся жизненными для определённого круга лиц... Жизнь Грузии была полнее и богаче, чем то, что нам авторы древнегрузинских памятников хотели сообщить»⁵⁰.

Печать общественной принадлежности автора, переводчика и составителя при тщательном анализе неизбежно вскрывается и в таком, казалось бы, неприкосновенном тексте, как священное писание, как его переводы на армянский и грузинский языки: «В памятниках культовой литературы находили свой выход различные общественные течения, отнюдь не определяемые общностью «племенного» или «национального» происхождения»⁵¹. Чем же, как не классовым характером памятников древней литературы армян и грузин, объяснить, что «камни говорят о революционных сдвигах, когда столь обильно писанная родная история молчит о них, как кладбище»⁵²?

Поэтому и пишет Н. Я. Марр: «Мы видим полный разрыв там, где традиционная историография твердила о нерушимости единения, — именно в самом армянском народе, в его сословиях, представляющих собой два материально и духовно враждебных лагеря. И, напротив, где книжные предания рисовали полную разобщённость и полную вражду, именно в отношениях армян, грузин и мусульман, там намечается существование иногда политической солидарности и всегда идейного общения, выраставшего на понимании общности материальных интересов»⁵³.

На те же классовые антагонизмы и на ту же классовую борьбу указывает Н. Я. Марр в своём очерке «История Грузии»: «...для крестьянского населения Грузии протест против социальной несправедливости в форме открытого народного неповиновения виновникам её не являлся никоим образом новинкой. Теоретически он выражался в народном поэтическом творчестве, идеализирующем разбойников, рисуя им героями борьбы со всякого рода угнетателями. Практически он выливался в крестьянские движения, так называемые «бунты»⁵⁴.

И в отношении истории Армении Н. Я. Марр указывает: «Если материальная угнетённость армянского рабочего населения в Сюнии вылилась в крестьянское движение и кровопролитную борьбу с епископом-феодалом, то это не говорит об особых условиях названной армянской области, и если приведённый случай засвидетельствован, как редкостный, именно в истории Сюнии, то причину этого явления надо видеть в том,

⁴⁸ Рукопись А — 2132 (1912 г.), л. 16—17.

⁴⁹ К критике «Истории» Моисея Хоренского. «Византийский временник». Т. V, 1898 г., стр. 16.

⁵⁰ Рукопись А — 467 (1922 г.), л. 124.

⁵¹ Борьба классов в грузинских версиях евангельского текста. Избранные работы. Т. III, стр. 353. 1930.

⁵² Анн. Книжная история города и раскопки на месте городища, стр. X.

⁵³ Там же, стр. 40—41.

⁵⁴ «История Грузии» (Культурно-исторический набросок), стр. 49. Изд. «Амиран». СПб. 1906.

что у этого края сравнительно лучший по отзывчивости на реальную жизнь историк»⁵⁵.

Те же противоречия находит Н. Я. Марр и в столь яркой в средние века религиозной борьбе. Известен интерес Н. Я. Марра к вопросам истории религии, особенно к истории ересей и сект, к борьбе христианства и язычества. Его внимание привлекала не догматическая сторона, хотя он знал её досконально, а социальная. Он обращает внимание на неправильность трактовки армянскими историками войн Армении и Персии как «борьбы христианской Армении с маговой Персией»⁵⁶, в то время как это была «борьба в политике не христианской Армении с маговой Персией, не в литературе грекофилов с сиропфилами, а различных сословий, различных классов»⁵⁷. Эту мысль Н. Я. Марр развивает не раз в своих дореволюционных работах. В речи о памятниках духовной культуры народов Кавказа, говоря о борьбе христианской церкви с ересями, особенно с получившим большое распространение павликианством, он вновь утверждает: «...павликианство несколько не национальное [явление] и не исключительно армянское. Подпочва, питавшая его, выходила за пределы Армении во все стороны: везде раскалывается мысль и борьба идёт не между народностями, как рассказывают нам национальные историки, это и не эпизодические схватки случайно столкнувшихся двух церковных вероучений: борются не на жизнь, а на смерть две культуры — новая, христианская, пока всё ещё чуждая, источники которой легко проследить, и древняя, искони народная, языческая, с корнями, уходящими в глубь веков, недоступными наблюдению исследователя ни по каким письменным источникам»⁵⁸.

Так же трактует он борьбу халкедонитства с антихалкедонитством, отмечая, что халкедонитство «объединило прежде всего не грузин с греками против армян и сирийцев, как это было принято думать, а расколовшихся армян, грузин, сирийцев и арабов против таких же армян, грузин, сирийцев и арабов, не говоря о более дальних союзниках той и другой стороны»⁵⁹.

В позднейших своих работах Н. Я. Марр отмечает, что в 900-х годах он «религиозным расхождением, явлениям надстроечным, да ещё пережиточным, всё ещё давал место рядом с действительной материальной базой»⁶⁰. Эта самокритика не во всём основательна. Роль общественных идей, овладевших сознанием масс, — а религиозные идеи в средние века играли такую роль — известна. Ведь «революционная оппозиция против феодализма, — говорит Энгельс, — проходит через всё средневековье. В зависимости от условий времени она выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооружённого восстания»⁶¹. В средневековом Кавказе эта революционная оппозиция выступала в том и в другом виде, иногда одновременно.

Вместе с тем Н. Я. Марр отвергает «традиционное представление», которое «учило смотреть на армян и грузин, как на два враждующих лагеря; свою убедительность оно черпало в сложившихся ныне отношениях взаимного недоверия»⁶². Этому «традиционному представлению», поддерживавшемуся и разжигавшемуся и царским правительством и местными националистами, Н. Я. Марр противопоставляет «реальную», как он её называл, историю Армении и Грузии, прослеживаемую им по веще-

⁵⁵ Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища, стр. 23.

⁵⁶ Вишапы (доклад 1910 г.). «Труды ГАИМК». Т. I, стр. 54. 1931.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Кавказ и памятники его духовной культуры. «Известия Академии наук» за 1912 г., стр. 78.

⁵⁹ Там же, стр. 72.

⁶⁰ Вишапы. Предисловие, стр. 16 (1931 г.)

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 128—129.

⁶² Житие Григория Хандатийского. «Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии», кн. VII. Введение, стр. XIII. 1911.

ственным и письменным памятникам, говорящим о том, что «грузины никогда не прекращали в древности близкого общения... со всем армянским миром»⁶³. После раскола армянской и грузинской церковей духовенство обеих сторон, в руках которого были тогда судьбы литературы, стремилось «привить пастве нетерпимость, доходящую до изуверства»⁶⁴, и тщательно искореняло из памятников древней письменности всякие следы прежнего общения. Памятники Ани необлжно свидетельствуют, что в этом городе, столице средневековой Армении, мирно сожительствовали не только армяне и грузины, но и оба эти христианских народа с мусульманами, что они «жили одной общественно-культурной жизнью с коренным армянским населением; в разноязычных анийских надписях выпукло выделяется соревнование анийцев всех национальностей, без различия вероисповедания в заботах о преуспевании анийской жизни»⁶⁵. В результате анийских раскопок «обычное представление о варварстве мусульман, о сектантской обособленности армян, об отчуждении грузин от армян разбивается о гранитные памятники, осязаемые и наглядные в Ани»⁶⁶. И даже более того, пишет Н. Я. Марр: «едва ли когда в Армении столь широкие размеры принимало чисто армянское строительство, как в эпоху Тамары»⁶⁷, т. е. в то время, когда Армения входила в состав грузинского царства. Для этого времени характерен «общий дух религиозно-национальной терпимости и ею одухотворённого культурно-политического сотрудничества», которые «вообще определяли взаимоотношения армян и грузин»⁶⁸.

Памятники анийской архитектуры «проявляют много сродных, прямо-таки сходных черт с искусством не только христианской Грузии, но мусульман-сельджуков... И, тем не менее,—пишет Н. Я. Марр,—мы, учёные, часто заблуждаемся, когда выдвигаемый в связи с этим глубокого интереса вопрос о средстве обоих искусств мним разрешить простым заимствованием или со стороны армян, или со стороны мусульман, в частности, например, сельджуков»⁶⁹. «Общие черты в памятниках, например, армянского и грузинского зодчества,—продолжает Н. Я. Марр,—могут находить объяснение не столько, может быть, во взаимном влиянии одного народа на другой, сколько в общности источников, в которых находили удовлетворение и откуда черпали формы для художественного творчества армянские и грузинские мастера, проникнутые сродными художественными идеалами одинаково феодальной среды. Вообще вопрос о влиянии армянского ли искусства на иноземное или иноземного, например, мусульманского, на армянское, нельзя никогда разрешить правильно, если он будет ставиться в упрощённой формулировке, не считающейся с разнообразием местной художественной жизни, с различными в ней направлениями, в зависимости от области, от церковного течения, от социальной среды и в связи с этим [не считающейся] с диалектичностью содержания, которое можно вложить в термин «армянская» архитектура»⁷⁰.

Для того чтобы определить значение и характер памятника архитектуры, Н. Я. Марр считал совершенно недостаточным изучение его формальных признаков, сравнение их с формами памятников других стран. Возражая Стржиговскому, обосновывавшему свою «теорию» восточного происхождения каролингского искусства сравнением лишь архитектурных

⁶³ Там же, стр. XIV.

⁶⁴ Из поездки на Афон. «Журнал министерства народного просвещения» за март 1899 г., стр. 4—5.

⁶⁵ Рукопись А — 2655 (1905—1915 гг.), л. 1013.

⁶⁶ Рукопись А — 935 (1904—1906 гг.), л. 59.

⁶⁷ Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища, стр. 40.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же, стр. 29.

⁷⁰ Там же, стр. 124.

форм, игнорируя историю и армянской архитектуры и армянского народа, Н. Я. Марр писал: «...чем больше входишь в общение с остатками неподдельных древностей, не переделанных древностей, тем более претит от всех этих сближений и сравнений древнеармянских памятников с иноземными»⁷¹.

Причины, определяющие сродство памятников армянской и грузинской средневековой архитектуры, как указывал Н. Я. Марр, «более общие и более глубокие. В Армении и Грузии именно в XII—XIII вв., независимо от политического их объединения под скипетром грузинской ветви Багратидов, более того, вопреки религиозным расхождениям, в тождественных условиях социальных (рост городов и значение горожан в борьбе с феодализмом) и культурных (контакт и общение христианского мира с мусульманским) выработался тождественный художественный вкус»⁷².

Эти взгляды Н. Я. Марра на сродство памятников армянской и грузинской архитектуры пришлось не по вкусу армянским и грузинским националистам; армянские националисты обвиняли его в том, что он «умалывает значение армянской культуры и преувеличивает и пропагандирует славу грузинской и даже турецкой»⁷³, грузинские же националисты обвиняли его в том, что он «армянское считает армянским и грузинское силится прибавить к армянскому»⁷⁴. Они не хотели понять, что Н. Я. Марр был вполне искренен, когда писал: «Для науки цена культурных явлений не в весе и размерах их, а в интересе, сопряжённом с выявлением их жизненного процесса»⁷⁵. При выявлении же этого «жизненного процесса» он не хотел, как то делал Стржиговский, «поддерживать современные политические взгляды историческими справками»⁷⁶, когда эти взгляды считал неправильными, — а националистические идеи он считал не только неправильными, но и вредными. Задачу историка культуры и Армении и Грузии он видел отнюдь не в том, чтобы льстить чувству национальной гордости, неумеренно и неосновательно преувеличивая значение одной национальной культуры и умалывая значение другой. Он стремился, насколько это было в его силах, раскрыть подлинное значение каждой национальной культуры: «Подобно обаянию традиционно понимаемой национальной гордости, и громкая европейская слава, великодушно предоставляемая армянскому искусству эфемерной теорией. с птичьего полёта [теорией Стржиговского], не должна служить соблазном, отвлекая наше внимание от бесспорно высокой чести, которую обеспечивает за древней Арменией раскрытие истинного значения подлинных памятников её сложной реальной жизни. И лишь в этом раскрытии истинного их значения, в упрочении настоящего их имени, пусть не громкого, единственное призвание нашей науки»⁷⁷.

Приведённые слова Н. Я. Марра не потеряли своего значения и в наши дни. Они приходят на память, когда читаем, что мысль Н. Я. Марра о «сродных, прямо-таки сходных чертах» арийского искусства XII—XIII вв. и памятников Грузии, аргументированная выше, является «роковой» и, сокрушается Г. И. Чубинашвили, «нет-нет находит и сегодня отзвук»⁷⁸.

⁷¹ Рукопись А — 1949 (1908 г.), л. 26.

⁷² Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища, стр. 38.

⁷³ Письмо Н. Я. Марра к С. Ф. Ольденбургу (1913). Архив Академии наук СССР, ф. 208, оп. 2, № 81.

⁷⁴ М. Джапашвили. «Научный» метод проф. Марра. Газета «Закавказская речь» № 20 от 26 января 1911 года.

⁷⁵ Газета «Новое обозрение» № 4841 от 5 февраля 1898 года.

⁷⁶ Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища, стр. 4.

⁷⁷ Рукопись А — 1147 (1906 г.), л. 68.

⁷⁸ Г. И. Чубинашвили. Рецензия на работу Н. Я. Марра «Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища». «Ags Georgica». 2, стр. 165. Изд. Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси. 1948.

Нам представляются если не роковыми, то безусловно ошибочными попытки игнорировать эту общность, равно как попытки умалить значение либо армянской либо грузинской культуры для мнимого возвеличения другой.

Одним из примеров подобной трактовки являются утверждения, что памятники культуры одного народа относятся к «разряду немногих избранных»⁷⁹, в то время как к памятникам культуры другого народа проявляется пренебрежительное и, во всяком случае, тенденциозное отношение⁸⁰.

Реакция на такого рода работы и утверждения не заставляет себя долго ждать, и эта реакция также бывает нездоровой. Так, в вышедшей в 1946 г. работе Н. М. Токарского, посвящённой архитектуре древней Армении, автор, зачастую правильно полемизируя с Г. Н. Чубинашвили, допускает явно ошибочные утверждения в определении национальной принадлежности памятников архитектуры Тао, Шавшии и Кларджии и доходит до того, что говорит, что купол грузинского храма Джвари скаймлён «типичным армянским карнизом» (стр. 92).

Книга Н. М. Токарского, особенно её глава «Тайкская архитектурная школа в X в.», вызвала резкую рецензию ныне покойного акад. С. Н. Джанашиа⁸¹. Однако акад. С. Н. Джанашиа, во многом правильно осуждая Н. М. Токарского, временами в пылу полемики сам сбивается на тот путь, который привёл Н. М. Токарского к «искажению исторической правды».

Стремясь разоблачить порочность концепции Н. М. Токарского, С. Н. Джанашиа не раз приписывает Н. М. Токарскому мысли, которых мы в его работе не находим. Так, например, акад. Джанашиа пишет: «...по Токарскому, монеты Давида куропалата, монеты оригинального образца с христианской эмблемой и с грузинскими надписями, свидетельствуют об антигрузинских настроениях Давида, а монеты его преемника Баграта III, первого царя объединённой Грузии, подражающие арабским монетам и имеющие арабскую надпись, свидетельствуют об обратном! Если это рассуждение Токарского не отличается фундаментальностью, зато оно безусловно самобытно» (стр. 81). На самом деле в работе Н. М. Токарского подобного «самобытного» рассуждения мы не усматриваем. Он пишет: «Он [Давид куропалат] никогда не носил царского титула, но с ним считались правители Армении и Грузии и византийский император Василий II... Особое положение тайкского куропалата нашло даже отражение в его монетах... В то время, как монеты Баграта III подражают имевшим хождение в Грузии дирхемам, воспроизводя даже арабские легенды, на монетах Давида лицевая сторона имеет надпись «Христе, помилуй Давида», а оборотная — изображение креста с буквами между его ветвями, которые читаются как слово «куропалат» (стр. 200—201). Совершенно независимо от того, правильно ли объясняет Н. М. Токарский причины и характер «независимости» Давида куропалата, мы не можем усмотреть в его словах не только утверждения, но даже намёка на то, что именно монеты Давида с грузинскими надписями свидетельствуют о его антигрузинских настроениях, а монеты Баграта III с арабскими надписями свидетельствуют «об обратном», как внушает акад. С. Н. Джанашиа.

Иногда акад. С. Н. Джанашиа бывает склонен мысль, высказываемую Н. М. Токарским предположительно и в отношении одного памят-

⁷⁹ Г. Н. Чубинашвили и Н. П. Северов. Пути грузинской архитектуры, стр. 178. Тбилиси. 1936.

⁸⁰ Г. Н. Чубинашвили. Армянское искусство с конца IX в. до начала XI в. Сборник «Сасунский Давид». Тбилиси. 1939.

⁸¹ «Об одном примере искажения исторической правды». Изд. «Заря Востока». Тбилиси. 1948; перепечатана в «Вопросах истории» № 5 за 1947 г., стр. 71 и сл. Ссылки на страницы рецензии в настоящей статье делаются по журналу «Вопросы истории» № 5 за 1947 год.

ника, трактовать как категорическое суждение и распространять за пределы того единственного памятника, по отношению к которому Н. М. Токарский выдвигает свою гипотезу. Так, например, Н. М. Токарский пишет: «Напрашивается вопрос, — не была ли Хахульская церковь построена первоначально для армян-антихалкедонитов, не признававших икон, а следовательно, и росписи, подобно тому, как в Армении строились халкедонитские церкви» (стр. 212). Можно, конечно, возражать против предположения Н. М. Токарского, но вряд ли следует, не соглашаясь с ним, делать следующий вывод: «Токарский вскрыл мощные пласты армян уже чистых в вероисповедном отношении, никак не отличавшихся от населения центральных районов Армении — армян-антихалкедонитов, для которых и строились крупнейшие и лучшие церкви Тао — Кларджети» (стр. 83).

Такую же мысль о наличии в интересующем нас крае армян-антихалкедонитов высказывал и акад. Н. Я. Марр, который писал: «Население края [Кларджии]... и в исповедальном отношении не представляло однородной массы»⁸², т. е. там были грузины и армяне-халкедониты, и армяне-антихалкедониты. Основывался Н. Я. Марр в этом суждении, в частности, на свидетельстве самого «Жития», в котором говорится о борьбе за охранение Анчской кафедры от «растления еретическим учением, полным искажений»⁸³. Акад. С. Н. Джанашиа сделал бы хорошее дело, если бы открыто опроверг очередное «заблуждение» Н. Я. Марра, а вместе с тем опроверг бы свидетельство Акоба Каринского, путешественника XVII в., который, посетив долину Чороха, сообщает: «Имеются в долине великие монастыри грузин в селениях Хаху, Ошк и Ишхан, подобных которым не существует, за исключением только святой Софии в Константинополе. И были жители страны этой — половина армяне, а другая половина по религии были грузины, но говорили на армянском языке»⁸⁴ и т. д.

Акад. С. Н. Джанашиа вообще «шадит» Н. Я. Марра и переносит на Н. М. Токарского ответственность за наблюдения и исследования Н. Я. Марра. Так, например, С. Н. Джанашиа обвиняет Н. М. Токарского в «выдумке», что «Опиза и Порта возведены, вероятно, уже после смерти Давида» (стр. 84). «Выдумка» эта принадлежит Н. Я. Марру, который писал, что «Опиза существовала до куропалата Ашота и Куха, это мы теперь знаем из «Жития Григория Хандзтийского», но было бы большим заблуждением думать, что в опизской церкви в настоящем её виде мы имеем памятник эпохи куропалатов. Надпись сообщает лишь о факте второго построения Опизы при Ашоте, но она сама относится ко времени росписи стены, на которой она писана... [роспись] эпохи XII—XIII веков, т. е. я сказал бы — эпохи Тамары»⁸⁵.

И в другом случае акад. С. Н. Джанашиа старается переложить на Н. М. Токарского «вину» Н. Я. Марра, так как, по мнению акад. С. Н. Джанашиа, Н. М. Токарский принадлежит к числу тех, «кто у больших учёных усваивает только их заблуждения» (стр. 88). Обвиняя Н. М. Токарского в нарочитом искажении «правописания» (?) — в употреблении армянской формы «Тайк» и форм «Кларджия» и «Свания» вместо грузинских форм «Тао», «Кларджети» (или «Кларджетия») и «Сванети» (или «Сванетия»), — С. Н. Джанашиа делает из этого далеко идущие политические выводы. Академик С. Н. Джанашиа прав, говоря, что Н. М. Токарский в этом отношении следует за Н. Я. Марром, который якобы «во второй период своей деятельности ввёл такое правописание» (стр. 48 рец.). Действительно, Н. Я. Марр употреблял формы «Кларджия»

⁸² «Житие Григория Хандзтийского». Введение, стр. XVII.

⁸³ Там же, стр. 136 (русский перевод «Жития»).

⁸⁴ Акоб Каринский. Географическое описание Верхней Армении, стр. 17. Вагаршапат. 1903. (На арм. яз.).

⁸⁵ «Житие Григория Хандзтийского». Дневник поездки, стр. 160—161.

и «Свания», но не только «во второй период своей деятельности», под которым, повидимому, следует понимать время создания нового, материалистического учения о языке, когда Н. Я. Марру, по мнению С. Н. Джанашиа, было свойственно «впадать в заблуждения»⁸⁶. Отмечу, что и в 1911 г., который никто и никогда не относил ко «второму периоду его деятельности», Н. Я. Марр писал: «...пора отказаться от варварского приёма сохранять грузинский суффикс-«ет», равнозначный русскому-«ия», раз последний налицо, т. е. пора вместо «Сванетия», «Кларджетия» употреблять формы «Свания», «Кларджия», подобно тому, как уже принято говорить «Абхазия», а не «Абхазетия». Конечно, привычка сделала своё, и теперь, пожалуй, трудно вернуться к правильным формам «Осия», «Имерия» и особенно «Кахия» вместо «Осетия», «Имеретия», «Кахетия»⁸⁷. Само собою разумеется, что Н. Я. Марр не видел ничего оскорбительного для сванов, когда по-русски называл их страну Свания, поскольку суффикс «ия» в названиях стран свойственен русскому языку, так же как он не видел ничего оскорбительного для русских в том, что грузины называли и называют Россию «Русети», как это свойственно грузинскому языку.

Обвиняя Н. М. Токарского в искажении и в умышленном игнорировании источников и исследований (например, в отношении грузинских надписей на храмах Тао — Кларджии), акад. С. Н. Джанашиа сам не раз проходит мимо источников и исследований, в той или иной мере противоречащих его положениям. Приведём лишь некоторые примеры. Академик С. Н. Джанашиа указывает: «многочисленные грузинские надписи Тбетской церкви упоминают, между прочим, зодчего Шахбуза Татухадзе» (стр. 84). Н. Я. Марр, которого С. Н. Джанашиа называет в числе исследователей грузинских надписей Тао — Кларджии, оставил в дневнике своей поездки подробнейшие сведения о надписях Тбетского храма⁸⁸. Какая же из них говорит о «зодчем», Шахбузе Татухадзе? Надпись с именем Шахбуза Татухадзе была найдена в развалинах колокольни, и Н. Я. Марр, рассказывая об обстоятельствах находки камня с этой надписью, даёт её чтение и перевод. В надписи не имеется никакого указания на то, что Шахбуз Татухадзе был зодчим, и никакого отношения к самой церкви надпись не имеет. Возможно, конечно, что акад. С. Н. Джанашиа не согласен с чтением и переводом Н. Я. Марра, но тогда следовало бы их исправить и сказать об этом. Иначе может, в лучшем случае, создаться впечатление, что Шахбуз Татухадзе стал зодчим посмертно (надпись, по толкованию Н. Я. Марра, надгробная).

Далее, акад. С. Н. Джанашиа пишет: «Хотя Степанос Таронский Давида именуёт обычно «куропалатом Тао» или просто «великим куро-палатом», но он не оставляет никакого сомнения в том, что Давид — владетель именно грузинский. Так, рассказывая очень много о войнах Давида, Степанос обозначает его войска только как войска грузинские, и это — многократно» (стр. 80).

Академик С. Н. Джанашиа не может не знать, что Степан Таронский про войска Давида, обозначаемые будто бы «только как войска грузинские», пишет: «Куропалат же Давид и армянский царь Гагик с Абасом и иверийским царём Баграмом (III) пошли против них [парсов и татчиков] в багревандский округ и составили огромный лагерь в городе Вахаршапате»⁸⁹. «Куропалат Давид, по причине старости и преклонных лет, не вышел сам лично против неприятеля войной, но послал к армянскому царю Гагику и иверийскому царю Гургену... просить у них войска себе на помощь. Гагик отпустил к нему 6000 избранного,

⁸⁶ «История Грузии», стр. 17. Тбилиси. 1946.

⁸⁷ «Известия Академии наук СССР» за 1911 г., стр. 219, прим. 2.

⁸⁸ Дневник поездки в Шавшию и Кларджию. «Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии», кн. VII, стр. 24—25. 1911.

⁸⁹ Всеобщая история, перевод Н. Эмина, кн. X, гл. XXXVIII, стр. 192. М. 1864.

отлично вооружённого армянского войска, под начальством князя князей Вахрама, сына Григория Пахлавуни... в сопровождении войска царя ванандского Абаса. Царь иверийский Гурген равным образом отправил 6000 отличной конницы под начальством князя князей Перса, сына Джоджика. Всем же войском куропалата Давида командовал Габриел, сын Очопентира»⁹⁰.

Основываясь на сведениях Степана Таронского, Н. Я. Марр говорит о походах «союзных князей» (или «царей») — таосского куропалата Давида, царя анийского с вассальным карским царём Абасом и грузинского царя Баграта⁹¹.

Академик Джанашиа никак не объясняет расхождений своих положений со сведениями Степана Таронского, «восторженного почитателя» Давида куропалата, как он его называет (стр. 80). Получается, что упрёк в намеренном замалчивании источников, обращённый акад. Джанашиа к Н. М. Токарскому, применим и к нему самому.

Не претендуя, конечно, входить в рассмотрение вопросов истории архитектуры древней Армении, поскольку моя компетенция в этом отношении значительно уступает компетенции не только Н. М. Токарского, но и его рецензента акад. Джанашиа, не имея возможности затронуть все вопросы, поднятые в рецензии последнего, остановлюсь на двух из них: о «Тайкской архитектурной школе X в.» и о характере армяно-грузинских отношений в то время, когда Армения входила в состав грузинского царства, поскольку эти вопросы имеют прямое отношение к работам Н. Я. Марра по истории культуры Армении и Грузии.

Содержание главы книги Н. М. Токарского «Тайкская архитектурная школа в X в.» не соответствует названию главы. В этой главе речь идёт не только о памятниках Тао, но и Шавшии и Кларджии. Если возможно объединить архитектурные памятники Тао, Шавшии и Кларджии принадлежностью к одной школе, то её никак нельзя называть «тайкской», так как в X в. и Тао, и Кларджия, и Шавшия, и Самцхэ, и Джавахети, и Аджара, и Артаани составляли владения различных ветвей грузинских Багратидов, поборников и последователей грузинской церкви, письменности и литературы. Кроме того в экономическом, политическом и культурном отношении эти области составляли одно целое, и памятники архитектуры этих областей, конечно, являются памятниками грузинской культуры. Другое дело, что южная часть владений грузинских Багратидов, которые являлись уделом куропалата Давида, — область Тао, пограничная с владениями армянских Багратидов, — была проникнута армянским влиянием, что понятно, поскольку это была в своё время вотчина известного нахарарского рода Мамиконянов⁹².

Нельзя согласиться с выводом Н. М. Токарского, что во владениях Давида куропалата «создалась в X в. самостоятельная архитектурная школа, давшая видных зодчих, творчество которых оказало несомненное воздействие на их собратьев в Грузии и Армении» (стр. 203). Если такая школа и существовала, то она существовала во всех владениях грузинских Багратидов, а если говорить о её национальной принадлежности, то она была грузинской.

Поэтому положение Н. М. Токарского, что «основную массу населения составляли армяне, бывшие здесь исконными приверженцами халкедонитства (отсюда вышел в VII в. знаменитый католикос Нерсес Строн-

⁹⁰ Всеобщая история, перевод Н. Эмина, кн. X, гл. XXXVIII, стр. 194—195.

⁹¹ О раскопках и работах в Ани в 1906 году. «Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии», кн. X, стр. 32. 1907.

⁹² Вряд ли правильно называть Н. Г. Адонца «крупнейшим представителем новейшей армянской историографии», как это делает акад. С. Н. Джанашиа (стр. 77) для подкрепления своего положения, что «феодалный дом Тао, выдвинувшийся в первые ряды армянской аристократии», Мамиконяны, «по своему происхождению принадлежали к грузинскому племени чапов».

тель)» (стр. 200), не может быть безоговорочно принято, если речь идёт о всех владениях грузинских Багратидов и не определяется более точно время, когда и в южной части Таи «основную массу населения составляли армяне».

Правильно возражая против указания Н. М. Токарского, что «большая группа армянского населения выделилась [в бассейне Чороха] в самостоятельный государственный организм» (стр. 200), акад. Джанашиа перегибает палку в другую сторону, когда заявляет: «Основная коренная масса населения в тао-кларджетских областях была искони грузинской по языку и культуре», а «армяне, если они где и были, являлись именно переселенцами. Существование армян-переселенцев можно допустить главным образом для Спери, Баснани и для южного Тао» (стр. 77).

Акад. Джанашиа, делая эти допущения, не мог опять-таки не знать фактов, источников, а также наличия по этому вопросу иного мнения исследователей. Об этом совершенно недвусмысленно говорил Н. Я. Марр, и следовало бы или опровергнуть его мнение, противопоставив ему другие факты, или внести поправки в его широко известную трактовку вопроса об этническом составе интересующего нас края. По этому вопросу имеются свидетельства не только армянских, но и грузинских источников, которые акад. Джанашиа почему-то не использует.

Н. М. Токарский исходит, насколько можно судить, из работ Н. Я. Марра, не всегда и не во всё правильно их понимая. Действительно, Н. Я. Марр, учитывая сложность этнического состава Таи и Кларджии и выдающееся значение этих областей в истории не только грузин, но и армян, и абхазов, и чанов, называл эти области «неразвязываемым узлом общих кавказских интересов»⁹³, по квалификации акад. Джанашиа, «пресловутым» неразвязываемым узлом (стр. 83).

Н. М. Токарский не воспринял от Н. Я. Марра его неизменно исторического подхода к трактовке этнических вопросов. Об этом можно судить и по приведённым выше ошибочным формулировкам Н. М. Токарского. Как же смотрел Н. Я. Марр на этнический состав населения Тао — Кларджии в VII—XI вв., т. е. и до того времени, которому посвящена глава «Тайкская архитектурная школа в X в.», и после него?

К вопросу об этническом составе населения Тао — Кларджии и о национальной принадлежности культуры этих областей Н. Я. Марр возвращался не раз⁹⁴. Его мнение о национальной принадлежности памятников культуры Тао — Кларджии не раз было им сформулировано с предельной чёткостью: «Что для армянского искусства представляет городище Ани, тем в ещё большей степени являются тао-кларджийские развалины для политической и особенно культурной истории Грузии»⁹⁵. Этот край «воздал сторицею Грузии за просветительные труды её сынов внесением крупного обновительного вклада в грузинскую литературу и вообще грузинскую культуру»⁹⁶.

Ещё до издания «Жития Григория Хандзтийского», где этим вопросам уделено, естественно, особое место, Н. Я. Марр указывал, что

⁹³ «Батум, Ардаган, Карс — исторический узел межнациональных отношений Кавказа», стр. 8. Птг. 1922. Не лишне, может быть, напомнить, что в основе этой статьи лежит лекция, читанная Н. Я. Марром в 1918 г. в связи с отходом Батума, Ардагана и Карса к Турции и в ответ на проявившиеся «атавистические зоологически-племенные инстинкты отдельных этнических единиц и не изжитые ещё различные болезненные обиды угнетавшихся павшим режимом народов с историческим прошлым в их здоровых национальных стремлениях» (там же, стр. II).

⁹⁴ См. работы Н. Я. Марра: Георгий Мерчул. Житие Григория Хандзтийского. Введение и дневник поездки в Шавшию и Кларджию. («Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии», кн. VII. 1911); Аркауи — монгольское название христиан («Византийский временник». Т. XII за 1911 г.); «Грузинские приписки греческого евангелия из Коридин» («Известия Академии наук» за 1911 г., стр. 211—240); Об армянской иллюстрированной рукописи из халкедонитской среды (там же, стр. 1297—1301) и др.

⁹⁵ «Житие Григория Хандзтийского». Введение, стр. XXXV.

⁹⁶ Там же, стр. XXXIII.

«с конца VIII в. центром интенсивной культурной работы в Грузии начинают служить юго-западные племена: кларджы и тайоцы в бассейне Чороха... В крае и теперь можно видеть развалины великолепных грузинских храмов и монастырских зданий, остатки многочисленных простых приходских церквей в чаще лесов или на пустынных оголённых полях и холмах, следы прекрасных дорог вдоль отвесных скал над глубокими ущельями и одноарочных мостов через горные речки, иногда и до сих пор годных, террасы на скалах для виноградников или вообще садов, оросительную систему, местами посейчас сохранившую грузинские названия каналов, громадные каменные тиски для выделки вина и хозяйственные погроба... Развалины и переживания свидетельствуют наглядно об эпохе поразительного материального и духовного благоденствия края. Всё это и многое другое, более интеллектуального характера, вскрывающееся из редких уцелевших местных памятников грузинской литературы, ярко показывает, на что был способен маленький грузинский народ, когда он обеспечивал себе урывками мирное, но свободное развитие своих культурных сил»⁹⁷.

Таким образом, акад. Джанашиа совершенно прав, когда обвиняет или обличает Н. М. Токарского в умалении значения этого края для истории и истории культуры Грузии. Но акад. Джанашиа совсем не прав, когда игнорирует или умаляет не только значение, но даже наличие, длительное наличие в этом крае наряду с грузинами и армян-халкедонитов и армян-антихалкедонитов.

Древнейшим населением края Н. Я. Марр считал чанов, оговариваясь, что для этого периода «мы располагаем столь скудными данными, что пока можем утверждать самый факт, но не можем представить себе исторического развития этого дела»⁹⁸.

В отношении появления в крае армян Н. Я. Марр пишет: «Полулегендарное сообщение о свершившемся уже армянском иммиграционном движении в эту иверскую страну... относится к событиям VII века»⁹⁹, судя по сообщению историка Иоанна Мамиконяна.

По свидетельству грузинского историка артануджских Багратидов Сумбата, после разорения края арабами и эпидемий¹⁰⁰ «оставшиеся в живых жители Шавшии с радостью и любовью приняли [Ашота Багратида], и он поселился там. Бог дал ему победы и власть над Шавшией и Кларджию. Купив часть деревень и возобновив некоторые разорённые, куропалат Ашот умножил сёла в этих странах»¹⁰¹, т. е., как пишет Н. Я. Марр, приводя это показание грузинского историка, «первая грузинская монастырская колония в Кларджии осела на одном из совершенно свежих пепелищ армянских обитателей»¹⁰². «Здесь основываются монашествующие грузины все на овдовевших армянских постройках, в большинстве сохранивших ещё армянские имена, как то: Ишхан, Шатберд, Мидзнадзор и т. п. И в ту же эпоху, в IX, даже в X в., грузины-монахи были окружены хотя единоверным, но всё же инородческим армянским населением, и, несмотря на политическое господство грузин, право своё называть страну грузинской они основывали на том,

⁹⁷ Н. Я. Марр. История Грузии, стр. 22—23.

⁹⁸ «Житие Григория Хандзтийского». Введение, стр. III.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ С. Н. Джанашиа считает, что «Токарский глухо говорит, что грузинские переселенцы появились «в опустошённом арабами и эпидемиями крае» (стр. 77), но это говорит историк Сумбат и, опираясь на его свидетельство, Н. Я. Марр («Житие Григория Хандзтийского». Введение, стр. XV—XVI, XXII), а Н. М. Токарский лишь повторяет их. Все же подробности С. Н. Джанашиа может найти у прекрасно ему известного грузинского историка, которого акад. Джанашиа обходит молчанием не только в данном случае.

¹⁰² «Житие Григория Хандзтийского». Введение, стр. XXII.

что в церквах богослужение происходило на грузинском языке»¹⁰³, и, добавим, соответственно надписи на церквах также писались на грузинском языке, хотя в числе прихожан были и армяне-халкедониты. Население края в X в. «не только в национальном, но и в исповедальном отношении не представляло однородной массы», т. е. наряду с грузинами и армянами-халкедонитами в крае жили и армяне-антихалкедониты, исповедовавшие национальную веру¹⁰⁴.

Подтверждением тому, что армяне-халкедониты продолжали пользоваться армянским языком, служит, например, то обстоятельство, что устав известного грузинского монастыря в Болгарии, Петрицонского, был написан на трёх языках — греческом, грузинском и армянском, — поскольку в числе братьи были армяне-халкедониты, по вероисповеданию называемые грузинами, но более привыкшие пользоваться армянским языком¹⁰⁵. В таком же положении находился и основатель монастыря, известный политический деятель в Византии, одно время правитель Ани, армянин-халкедонит Григорий Бакуриан, происходивший, по мнению Н. Я. Марра, «несомненно из района, некогда армянского, но к XI в. [времени основания Петрицонского монастыря] уже обращённого почти вполне в грузинский»¹⁰⁶, из Тао — Кларджии¹⁰⁷. По свидетельству Анны Комниной, Григорий Бакуриан по происхождению был «из блистательного армянского рода», сам же он говорит про себя, что он «из блистательнейшего рода грузин»¹⁰⁸.

По мнению Н. Я. Марра, слово «грузин» имело тогда «широкое, чисто культурное значение... всякий армянин-халкедонит, даже всё ещё более грамотный в армянском, чем в грузинском... есть грузин наравне с чистокровным грузином, так как он исповедовал, по его [Григория Бакуриана] выражению, «истинную и православную веру по преданию грузинского рода»¹⁰⁹. Григорий Бакуриан был действительно более грамотен в армянском, чем в грузинском, так как подпись свою на трёхязычном монастырском уставе он делает по-армянски, особо это отмечая в заключении типика¹¹⁰.

Этот вопрос представляет интерес и в связи с вопросом об армяно-грузинских отношениях в то время, когда Армения входила в состав грузинского царства. Всё содержание этих отношений акад. Джанашиа вкладывает в одну выразительную фразу: «Армянское население воспринимало грузинскую государственность со всем её аппаратом управления как родную государственность и общегосударственные институты» (стр. 47 рец.), добавляя, что «это сознание пережило века», т. е. что армяне продолжали считать свою страну частью Грузии и в XV и даже в XVIII в. (там же).

Н. Я. Марр иначе смотрел на эти отношения. Он уделяет вопросу армяно-грузинских отношений значительное внимание, особенно подчёркивая в своих лекциях о раскопках в Ани, что «в грузинском государстве той эпохи очевидно признавалась внутренне-политическая индиви-

¹⁰³ «Аркаун — монгольское название христиан», стр. 22. Н. Я. Марр основывает это своё суждение на словах «Жития Григория Хандзтийского»: «Грузией считается обширная страна, именно вся та, в которой церковную службу совершают и все молитвы творят на грузинском языке» (стр. 123).

¹⁰⁴ См. выше, стр. 29.

¹⁰⁵ «Аркаун — монгольское название христиан», стр. 17—21.

¹⁰⁶ Там же, стр. 21.

¹⁰⁷ Обоснование этого мнения Н. Я. Марра см. там же, стр. 21—24.

¹⁰⁸ Там же, стр. 21.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же, стр. 20. Обратим внимание на то, что акад. Джанашиа, утверждая, что «нет никаких данных, которые могли бы позволить противопоставить этой блестящей плеяде деятелей грузинской культуры Тао — Кларджетии IX—X вв. хотя бы одно имя местного представителя какого-нибудь иного национально-культурного круга» (стр. 84), или забывает о Григории Бакуриане или игнорирует его вряд ли потому, что Григорий Бакуриан — деятель XI века.

дуальность армянского народа, для которой современный нам термин «автономия» недостаточно ёмок. Перед лицом грузинского монарха армянский народ в действительности являлся равноправным с грузинским. В грузинском царстве той эпохи обрисовывается тип государства, в котором народы, различные по вере и по крови, имели каждый свою независимую культурно-политическую жизнь, но сочетались для прочности общего блага под верховенством одного главы»¹¹¹. «Это положение вещей вполне соответствовало общему духу религиозно-национальной терпимости и ею одухотворённого культурно-политического сотрудничества, что вообще определяло взаимоотношения армян и грузин»¹¹².

Насколько грузинские власти были терпимы в вопросах вероисповедных, мы можем заключить и из того, что, как напоминает Н. Я. Марр, «при спасаларе Захарии и атабеге Иванэ в эпоху господства грузин на соборах армянской национальной церкви преданы были проклятию все единомышленники грузин и греков в церковном деле»¹¹³, а ведь сам атабег Иванэ был не только единомышленником греков и грузин в церковном деле, но принял православие.

Н. Я. Марр особо отмечает то обстоятельство, что даже в отдельных актах грузинской власти не игнорируется армянская национальная принадлежность населения Ани. Издавая известную грузинскую надпись Елифания, католикоса Грузии — его обращение к армянам-халкедонитам Ани «в эпоху мощи грузинского государства, когда Ани входил в его состав», — Н. Я. Марр указывает, что «акт главы государственной церкви снабжён свидетельством местных властей автономного армянского города на армянском языке: свидетельствуют армянский епископ Ани, владыка Григорий, и эмир города, армянин Вахрам»¹¹⁴.

Та же религиозно-национальная терпимость проявлялась и по отношению к мусульманам. Об этом говорит «факт созыва в эпоху именно Тамары смешанного армяно-мусульманского суда, который был призван решить громкое, но чисто христианское дело о сюнийских святынях: этот суд происходил в Двине в присутствии князя Иванэ и с участием в числе других анийского кадия, мусульманина, и «великого анийского епископа», армянина»¹¹⁵.

Академик Джанашиа считает, что формула армянских надписей «царь грузин и армяя» также свидетельствует о том «идеологическом и даже психологическом» состоянии населения Армении, когда оно воспринимало грузинскую государственность как родную (стр. 47 рец.). С этим Н. Я. Марр не согласился бы. Наоборот, он указывал, что хотя «в титулатуре грузинских царей со времени Давида Строителя появляется на третьем месте «царь армяя», и казалось бы это свидетельствует о политическом и культурном порабощении города Ани иноземным господством, на самом деле это было объединение с сильным государством нуждавшегося в военной защите богатого города, который... на тех или иных условиях, смотря по обстоятельствам, предоставлялся то тому, то иному князю, природно близкому армянам, на кормление, а то отдавался целиком местной городской бытовой власти, и получал нечто вроде самоуправления», так как «в городе, принадлежавшем грузинской короне, находившемся во владении армянских князей, горожане-армяне сами управлялись с помощью старейшин города: армянина-архиепископа, градоначальника-армянина и других должностных лиц из армян»¹¹⁶.

¹¹¹ Лекции о раскопках в Ани (1905—1915). А — 2655, л. 1570.

¹¹² Н. Я. Марр. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища, стр. 40.

¹¹³ «Аркауи — монгольское название христиан», стр. 39.

¹¹⁴ Надпись Елифания, католикоса Грузии. «Известия Академии наук» за 1910 г., стр. 1439—1440.

¹¹⁵ Н. Я. Марр. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища, стр. 40; ср. «История Грузии», стр. 223. СПб. 1906.

¹¹⁶ Там же, стр. 40.

Точка зрения на армяно-грузинские отношения, изложенная в учебнике по истории Грузии для средней школы, вышедшем под редакцией акад. С. Н. Джанашиа, ближе к пониманию Н. Я. Марра, чем к тому, что пишет С. Н. Джанашиа по этому вопросу в рецензии на работу Н. М. Токарского. В учебнике мы читаем: «Грузинские власти, особенно в эпоху Тамары, действовали в Армении осторожно и предусмотрительно, назначая управителями армянских областей или наделяя феодальными держаниями лиц, стоявших близко к местному населению по вероисповеданию или происхождению»¹¹⁷.

Кто же из управителей армянских областей стоял «близко к местному населению по вероисповеданию или происхождению»? Не были ли это в первую очередь те прославленные деятели эпохи царицы Тамары, о которых Броссе писал: «История царствования царицы Тамары является, так сказать, историей подвигов Мхаргрдзелов»¹¹⁸? Не оставаясь на том, насколько такая оценка Броссе соответствует действительному положению вещей, отметим, что братья Мхаргрдзели (Долгорукие или Захариды) в самом деле сыграли выдающуюся роль в истории и Грузии и Армении.

Вопрос о национальности Мхаргрдзелов является спорным: акад. Н. Я. Марр и акад. И. А. Джавахишвили¹¹⁹ считали, что они были из «обармянившихся курдов», акад. Джанашиа утверждает, что они были грузинами не только по культуре и самосознанию, но и по происхождению, приводя в подтверждение показание «совершенно объективного свидетеля» Рубрука, который, захватив в 1255 г. к сыну Захария Мхаргрдзели, Шаншэ, называл его «одним из могущественнейших некогда грузин, ныне данника татар» (стр. 85).

Возможно, что Рубрук был объективным свидетелем, но вряд ли он был более осведомлен, чем историк царицы Тамары, Бабили, лично знавший братьев Иванэ и Захария. Бабили писал: «Хотя они по вере были армяне, но зато почитателями православия: Иванэ был прекрасным знатоком священного писания, в силу чего постиг всю кривизну веры армян, перекрестился и стал истинным христианином»¹²⁰. Если Иванэ Мхаргрдзели принял православие, то мог ли он быть близким населению Армении «по вере»? Или же он, как и его брат Захария, армянин по вере и имевший духовником такого выдающегося армянского деятеля, как Мхитар Гош, был близок к армянам «по происхождению», и потому, с одной стороны, был назначен управителем армянских областей, а с другой, — столь значительно было, например, его участие в строительстве в Ани?¹²¹ Иванэ, православный, делал «богатые вклады в монастыри армянского исповедания... Из сотни и более сохранившихся на армянском языке от имени Мхаргрдзелов жалованных грамот армянским обителям крайне поучительна грамота на имя Айриванкского монастыря»¹²².

Академик Джанашиа упрекает Н. М. Токарского в непонимании того, что «только один вероисповедный признак не решает вопроса о национальной принадлежности» (стр. 52 рец.), и он прав. Однако акад. Джанашиа, считая, что один вероисповедный признак не решает вопроса

¹¹⁷ «История Грузии», стр. 222.

¹¹⁸ Brosset. Additions et éclaircissements à l'histoire de la Géorgie, стр. 266. СПб. 1851.

¹¹⁹ И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, кн. II, стр. 584—585. Тифлис. 1914. (На груз. яз.)

¹²⁰ В. Д. Дондуа. Бабили, историк царицы Тамары. «Памятники эпохи Руставели», стр. 48. Л. 1938.

¹²¹ См. Н. Я. Марр. Камень с армянской надписью из Ани. «Известия Академии наук» за 1910 г., стр. 1149—1151; Ани, столица древней Армении. Сборник «Братская помощь пострадавшим армянам», стр. 212—219. М. 1898, и другие работы.

¹²² Н. Я. Марр. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища, стр. 40, где приводится и перевод текста грамоты атабека Иванэ.

о национальной принадлежности, никак не определяет национальной принадлежности епископа, а затем католикоса Нерсеса, называя его лишь «уроженец Тао» (стр. 33 рец.). Неужели может быть сомнение в том, что, хотя и халкедонит, т. е. той же веры, что и грузины, католикос Нерсес был армянином и по культуре и по национальному самосознанию?

Работы Н. Я. Марра по истории и истории культуры Армении и Грузии даже в той мере, в какой мы могли их показать, дают основание утверждать, что они были направлены, с одной стороны, на освещение различных сторон многовековой культурной жизни Армении и Грузии, их богатства, своеобразия и взаимосвязанности; с другой стороны, они были направлены на противопоставление столь разжигавшейся царским правительством и местными националистами религиозной и национальной борьбе среди народов Кавказа примеров из истории и Армении и Грузии, свидетельствующих, что эти национальные и религиозные антагонизмы не извечны, а являются порождением тех классов, которые стремятся «братоубийственной войной отделить друг от друга национальности России и, обессилив их, без труда победить каждую в отдельности!»¹²³.

Не надо забывать, что работы Н. Я. Марра по истории культуры Армении и Грузии писались в те годы, когда он не владел методом, который делает историю точной наукой, поэтому не все его положения могут быть теперь приняты. Однако вряд ли можно подвергать сомнению, что эти работы и их направление были орудием борьбы Н. Я. Марра «за национальность и против национализма»¹²⁴. Эта борьба являлась, говорил он в конце жизни, основным содержанием и основной задачей его работ по истории и истории культуры Армении и Грузии. Это направление работ Н. Я. Марра привело тогда к тому, что оно «подвергалось самым ярким и не щадившим никого, не гнушавшимся никакими средствами нападкам всех реакционных и мнимо нерекционных слоёв общества»¹²⁵.

¹²³ И. В. Сталин Соч Т 1, стр. 81.

¹²⁴ К истории Кавказа по данным языка, стр. 11. Тифлис. 1933.

¹²⁵ Там же.